

Ариадна И. Кузнецова
Москва

Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре

Своеобразие языковой ситуации в с. Старый Торъял Новоторъяльского района Марий Эл и ее стремительное изменение можно свести к трем основным моментам: 1) усиление влияния русского языка; 2) возрастание языковой вариативности за счет роста в селе приезжающих на постоянное жительство носителей других диалектов из разных районов республики и 3) активное наступление на диалект со стороны литературного марийского языка, что ведет к нивелированию диалектных особенностей. В результате взаимодействия этих факторов ослабляются позиции и диалекта, и литературного марийского языка, который преподается в школе (правда, в минимальном количестве часов и в виде предмета изучения). Возникает ступенчатое подавление литературным марийским языком диалекта, а литературным русским – литературного марийского языка. Литературный марийский вытесняется из употребления под воздействием русского литературного языка, в частности, потому, что последний является языком обучения в школе и на него переходят молодые, постепенно забывая родной язык. Особенно страдает диалект, испытывая давление с двух сторон: со стороны литературного марийского и изнутри, в силу повседневных контактов носителей староторъяльского говора (как наименьшей территориальной единицы языка, которую мариеведы обычно называют подговором) и представителей разных диалектов в пределах одного села. Жители села считают, что все говорят одинаково, так как приехавшие стараются освоить местный говор. Вместе с тем, незаметно для самих себя староторъяльцы *volens-nolens* заимствуют элементы других диалектных систем, утрачивая чистоту собственного говора. Расшатывание и забывание диалектных норм под воздействием трех указанных причин ведет к появлению большой вариативности на всех языковых уровнях, особенно – в области фонетики, морфологии и лексики. В ответах анкетированных среднего и молодого поколений на задаваемые им вопросы сквозит несогласованность и неуверенность в знании многих слов, оборотов, конструкций и одновременно желание продемонстрировать владение марийским литературным языком и не сбиться на родной диалект. Все это порождает множество вариантов, количество которых беспрерывно увели-

чивается. Допустимым становится то, что еще недавно таковым не считалось. Как сказала одна из учительниц местной школы, "чисто марийского языка нету сейчас; у нас всё вперемешку. Только 70-тилетние говорят" (имеется в виду – говорят на своем диалекте). В результате многочисленные сбои в употреблении грамматических форм и в произношении ряда звуков постепенно приводят к изменению всей диалектной системы языка, способствуют сглаживанию различий между диалектом и литературным марийским языком. Многие староторьяльцы, родившиеся и всю жизнь живущие в родном селе, четко осознают разницу в произношении "у нас, здесь" и "у них, там", откуда когда-то приехали их теперешние односельчане. Некоторые особенности староторьяльского говора сами жители села считают маркерами данного говора, противопоставляя свою речь языковым нормам носителей других диалектов. Эти специфические черты будут перечислены далее, а также будут упомянуты (со специальной оговоркой) и те черты, которые местные жители не замечают у себя, но после указания на них признают их наличие в своем говоре и охотно приводят новые примеры в дополнение к уже имеющимся. В итоге можно сказать, что особенности говора с. Старый Торъял по сравнению со многими другими говорами и диалектами марийского языка выделены (хотя далеко не все) частично усилиями самих носителей говора, частично скорректированы в ходе исследования говора во время двух экспедиций в Новоторьяльский район в 2000 и в 2001 гг.

1. Некоторые фонетические особенности говора

Произношение гласных

Система гласных в исследуемом говоре интересна своей неоднородностью и неустойчивостью в идиолекте почти каждого носителя. Особенно это чувствуется в неувовимости звучания гласного, стандартно обозначаемого как 'шва' [ə]. Данный звук можно у одних говорящих представить как нечто среднее между *ы/о*, *у/ы*, у других – как *а/о*, *э/о*, а также как [ə]. Иногда *мый* 'я' однозначно звучит как *май*, но через несколько слов тот же информант может произнести его как *мый*, *мэй* и т.д. По признанию носителей говора, звук *ə* не имеет ничего общего со звуком *ы* русского типа, но *ə* часто произносится именно как русское *ы*, поскольку на письме эти разные звуки передаются одинаково: письменный вариант подчиняет

себе устный, изменяя само звучание *ə*, сближая его с *ы*. Когда в ходе одного эксперимента было предложено информанту (с родным языком удмуртским), владеющему марийским языком, но выучившему его самостоятельно и не знакомому с правилами орфографии, записать произнесенный им устный вариант текста на бумаге, он интуитивно писал так, как слышал. В этой "наивной классификации" звуков [ü], передаваемое буквой *ÿ*, слышится как [i] и пишется как *и*; *ö* – как *ё*, но *ы* – то как *ы*, то как *у*. Все это не случайно и свидетельствует о большом разнообразии в произношении гласных звуков в данном говоре. В области вокализма можно отметить и некоторые другие его особенности, связанные с сочетаемостью фонем и до какой-то степени испытывающие влияние со стороны русского языка или других говоров.

Хиатус и способы его ликвидации

Хиатус (стечение гласных, зияние), не типичный для многих языков, в разговорном марийском широко встречается между двумя непередними гласными, как *пуаш* 'дать' (*пуэш* 3Sg), *куанаш* 'радоваться', *шуаш* 'дойти' и др. значения (*шуэш* 3Sg: *кас шуэш* 'вечер наступает'), *куака* 'старшая сестра' и т.п. Однако в разговорной речи можно наблюдать утрату зияния. Так, лабиализованный гласный нередко превращается в *w*: *пwэш*, *пwат*. Данный процесс возможен и на стыке слов, образующих сочетание *ya*: *кугу+ака* > *кугwака* 'старшая сестра'. Встречается эпентеза согласного: *туара* > *туgара* 'творожник'. При редупликации одного и того же переднего гласного может быть удлинение его звучания (*ача-ава* 'родители' > [ачāва]). Хиатус возможен также после передней гласной перед непередней, в том числе и на стыках слов: *ме ачам дене* 'мы с отцом', *ме ат* 'мы же', *окна гыч уремышке онча* 'в окно на улицу смотрит' и т.д. Последовательность переднего гласного *и* с последующим непередним (*ia*) обычно требует вставного *j*, заменяющего порою *и* (что характерно в аналогичных случаях для русского языка: *Марia* произносится по-русски как *Мария* или *Марья*): *пчал* 'счастье' звучит как [pjal, pijal]; *пчалдыме* [pjaldyme] 'несчастливый'. Но оба гласных могут сохраняться и без изменений, особенно на стыках слов: *изи алга* 'маленькие сережки'. Порою происходит наложение гласных друг на друга с исчезновением первого гласного: *изи+ава* дает *изава* или *из'ава* 'маленькая мама и мачеха', *изи арама* переходит в *из'арма* 'заросли мелкого кустарника в низине у реки'. Губной гласный *у* после переднего *и* приводит к

выпадению предшествующего гласного: вместо *изи улам* 'я маленькая' в детской песенке звучит [iz'ulam]:

Изюлам, изюлам, киса кайык гай улам.

Киса кайык гай улам, торъял мотор мый улам

Я маленькая, я маленькая, как синичка-птичка (я есть).

Как синичка-птичка, торъяльская красавица я (есть).

При сочетании *ие* возникают глайды – скользящие призвуки либо перед, либо после основного гласного, которым может быть любой из них. Возникает то восходящий, то нисходящий тон ударного гласного, что обращает на себя внимание и интерпретируется как особая интонация в данном говоре. Напр., в селе говорят *Мый чйеным чйём(ым)* 'Я одеваю одежду'; [š"]*йёмым нальым* 'одежду купила'; *чйём* (или *чјем*) и [š"]*йём* 'одеваюсь'; *чйемлан кам* (вместо *каем*) 'за одеждой иду'. В последнем примере в формах глагола *кайи* 'идти' может происходить и стяжение гласных, и сохранение их, и появление в явном виде *j*, как во фразе *лекшиш кайна* (вместо *каена*) 'на лекцию идем'. При спряжении глагола *кайи* 'виднеться' иногда звучит *j* (*койна* вместо *коена*), как в форме *коеш* 'виднеться' в песенке:

Ой, мо коеш, мо коеш? Вўд ўмалне пуш коеш.

Вўдат огыл, пушат огыл, Мотор садикна коеш

Ой, что виднеться, что виднеться? На речке лодка виднеться.

Не вода, не лодка, красивый наш садик виднеться.

Выпадение гласных звуков в позиции между согласными

При анализе диалектных особенностей нельзя никогда забывать, что исследователь имеет дело не с письменным текстом, а с устным дискурсом, у которого есть свои специфические черты. Часть из этих признаков спонтанной речи может быть интерпретирована с позиций социолингвистики (см. далее о смешении кодов в русской речи билингов Старого Торъяла), другая – рассмотрена с точки зрения психолингвистики или, наконец, – с учетом исключительно лингвистических проблем, напр., грамматической аналогии.

Выпадение ('проглатывание') отдельных звуков в аллеговой речи коммуникантов – типичная примета устного связного текста; в марийских

словах возникает утрата отдельных звуков (обычно – гласных) или целых слогов, замечаемая самими носителями языка: *орва* вместо *орава* 'колесо'; *мылам* вместо *мыланем* (Dat. 'мне'); *имньжым* 'коня' (Acc.) вместо *имньжым*; *тувырым* 'рубашку' (Acc.) вместо *тувырым*; *ке[š]"вал* 'обед; полдень' вместо *кечывал*; *йошкаришмен* 'свекла' вместо *йошкарушмен*; *сакыришмен* 'сахарная свекла' вместо *шакырушмен*; *арва* вместо *арава* 'веснушки' (*тыгда* < *тыгыда арва* 'мелкие веснушки'); *издер* вместо *изитер* 'маленькие санки'; *чодра* 'лес' вместо *чодыра*. Относительно последнего слова с 1970-х гг. ведутся споры о том, какой вариант считать литературным, как писать данное слово. Орфография менялась за прошедшие 25 лет трижды: в 1978–1980 гг. была узаконена форма *чодыра*, в 1983–1987 гг. произошла орфографическая замена этой формы на *чодра*, которую в 1990-е гг. снова сменили на первоначальную. Подобные изменения в орфографии не способствуют улучшению грамотности школьников, закрепляя на письме разговорные формы слова. Естественно, что утрата в спонтанной речи гласных, зафиксированных на письме, не может не сказаться на произношении согласных. Так, вместо *пырыс иге* 'котенок' обычно звучит *пырсиге*, *пэрсиге* и даже *прсиге* с *p* (слоговым). В записях старых людей, по свидетельству их потомков, слово 'кошка' тоже писалось без гласных (по принципу 'что слышу, то и пишу'), то есть *прс*. По поводу данного факта можно выдвинуть гипотезу, что создатели современной марийской письменности ориентировались на слоговое письмо русского языка и искусственно добавляли гласный *ы* там, где звучал *э* или был *p* (слоговой).

Произношение согласных: аффрикаты, шипящие и свистящие

Слушая речь тех односельчан, которые приехали в Старый Торъял из других районов республики, местные жители обратили внимание на отсутствие в староторъяльском говоре цоканья, характерного для Оршанского, частично – для Медведевского и Советского районов Марий Эл. Отсюда возникли своего рода бродячие присловья, отдельные слова, легко запоминаемые, на примере которых наглядно демонстрируются различия между обсуждаемыми диалектами и говорами. Так, в ходу фраза, характеризующая цоканье: *Ноцко цыве пеце гоц вонца* 'Мокрая курица через изгородь перелезает'. С удовольствием рассказывают, как приехавшая из Оршанки девушка обратилась к знакомой из Старого Торъяла: "Мыланем пуза кацетым!". В данной фразе не только отражено цоканье

спрашивающей (именно так рассказывается эта история), но еще и обыгрывается значение слова *каче/каце*, которое в Старом Торъяле означает 'жених, парень', а в Оршанском районе – 'ножницы': "Мне дай жениха-своего (ножницы-свои)". У башкирских марийцев, где цоканья нет, *каче* также означает "ножницы": *Мылам* (Dat. вместо *мыланем*) *качетым пуэт мо?* 'Мне ножницы-свои (парня-своего) дашь ли?'. Одно из старых названий Йошкар-Олы было *Чарла*, возникшее из *царь+ола* с выпадением гласного, то есть Царский город. До сих пор можно иногда услышать фразу (в шутку произносимую) *Чарлаш каем* 'В Йошкар-Олу поеду'. В речи исконных жителей села название города звучит обычно как [š̌]арла, а в речи жителей, приехавших в Старый Торъял из районов, где есть цоканье, – как Царла. Аффриката /ʧ/, встречающаяся в основном в заимствованиях, обычно заменяется на /ч/, как в приведенном наименовании Йошкар-Олы или в слове *черке* 'церковь', но нередко начинает смягчаться (напр., [tsʰ]уффа) или утрачивать затвор (*систерна*; лексий 'лекция' наряду с *лек[tsʰ]уй*). В большинстве случаев на месте /ʧ/ слышна не аффриката, а сочетание звуков *t+s*: [tseh, tsentr, tsisterna, tsifr] и др. Для данного говора типично смягчение в большей или меньшей степени аффрикаты /ʧ/ вплоть до изменения ее в мягкие свистящие с дальнейшим переходом в мягкие шипящие и во взрывные. В свою очередь, вместо /w/ (за исключением показателя инфинитива) нередко появляется [š̌ʰ], не различимое в таком случае с вариантами произношения /ч/: [š̌ʰošʰmo] (*шочмо* 'родной'), [š̌ʰinšʰa] (*шинча* 'стоит'), [š̌ʰišʰte] (*ишште* 'дятел'). В подобных примерах обычно наблюдается ассимиляция согласных. На месте /ʧ/ можно встретить целую гамму звуков, среди которых преобладают мягкие шипящие глухие: [š̌ʰš̌ʰ, š̌ʰ, sʰ, sʰ, tš̌ʰ и даже tʰ]: *гы[š̌ʰ]*, *де[š̌ʰ]* (послелого *гыч, деч*), [š̌ʰš̌ʰ]ывиге (*чывиге*) 'цыпленок', *па[š̌ʰ]ер* (*пачер*) 'квартира' и т.п. Изредка звучание /ʧ/ напоминает звук [ts] (*ц*): *тыся[tʰ/tsʰ]и* 'тысячи', *се[tsʰ/sʰ]ас* 'сейчас'. Можно говорить о своеобразном континууме вариантов звучания фонем /ʧ/ и /w/, пересекающихся в рядах своих вариантов, которые трудно считать аллофонами, поскольку они не находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Сами староторъяльцы, зная, как пишутся слова и как надо их произносить, тем не менее, часто смешивают [tš̌ʰ, š̌ʰ, sʰ] друг с другом и все их с [š̌ʰ], порою трудно отличимым от [sʰ], напр.: [š̌ʰ]ыпак (*шыпак* 'тайком, втихомолку'), [š̌ʰ]ыве вместо *чыве* 'курица', *а[š̌ʰ]а* наряду с *ача* 'отец'; *ке[š̌ʰš̌ʰ]удо* < *кечшудо* 'подсолнух', [š̌ʰ]уияш и *чияш* 'одеться', *кочкаш* и *ко[š̌ʰ]каш* 'есть что-либо', *ти[š̌ʰ]маш* и *тичмаш* 'много', [š̌ʰ]иена и *чиена* 'одеваем' и др. В речи одного и того же человека происходит смешение *ш/wʰ/cʰ* и даже *c*,

как в словах *ва[ṣ̌ʰ]күзö* 'ножницы' и *ва[ṣ/s]күзö*; *ковышта* – *ковыста* 'капуста', *шоган* – *соган* 'лук'. Последние примеры записаны от башкирской марийки, с 1979 г. живущей в Старом Торъяле. Изредка возможно озвончение аффрикаты /ч/, как в слове *он[džʰ]а* 'смотрит', *күн[džʰ]аш* 'копать' *он[džʰ]ыл* 'перед' и др. По свидетельству носителей говора, они "мягко разговаривают" по сравнению с представителями других говоров.

Произношение *j* в начале слова

В данном говоре наиболее яркой чертой в области консонантизма является произношение согласного *j*, который звучит как [d/dž/džʰ], а в речи трехлетнего ребенка даже как [d]: [dol] вместо *йол* 'нога', в речи взрослых звучащего то как *jol*, то как *djol*. Вариант с [dʰ] – наиболее частотный. Он встречается в именах собственных: это *Д'елена*, *Д'уля*, *Д'з'ельмекеев*, *Д'аранск* (Елена, Юля, Ельмекеев, Яранск) и одновременно *Юрий*, *Ельмекеев*, *Елена* и др. В нарицательных существительных и в глаголах – такой же разнобой наряду с четко звучащим или выпадающим совсем в этих же словах *j*: [dʰ]емыж 'ягоды', [dʰ]ял и [dʰjal] 'деревня', [dʰ]яаш 'пить' [dʰ]ывыртен *колташ* 'обрадоваться', [dʰ]үр 'дождь', [dʰ]үшö и [dis'e] 'пьяный', [džʰ]үштö 'холод', [džʰ]öpa 'ладно, хорошо', [dʰ]үштүмуж (*йүштүмужо* 'лихорадка, малярия'), [dʰ]оча (*йоча*) 'дитя, дети' и т.д. Далеко не все носители говора замечают сбой в своей речи с нормативного произношения йота на сугубо местное, впрочем, в разной мере присущее говорам соседних деревень.

Группы согласных. Выпадение согласных и их замены

Для большинства уральских языков, как известно, типичным является отсутствие в начале слова стечения согласных. Марийский язык в этом смысле – не исключение. Впрочем, в нем встречаются среди исконной лексики единичные группы согласных в начальной позиции слова, преимущественно – сочетания с сонорными, как, напр., *презе* 'теленок', *преча* 'закуток для ягнят в избе', *кредалаш* 'драться', *кредалише* 'драчун', *кленча* 'бутылка', *снеге* и даже устаревшее *кснеге*, о котором как о раритете говорят жители села; *крема* 'фунт', тоже уже полузабытое слово (ср. древнее заимствование из тюркских языков *кнагаче* 'грамот -

ный', вытесненное в современном марийском языке гибридным словосочетанием *грамотный айдеме* 'человек'), и немногие другие. Слова, начинающиеся на группу согласных, в состав которой не входят сонорные, как *шке* со всеми его производными или уже упоминавшееся существительное *кснеге*, чрезвычайно редки. Группы согласных не в начальной позиции слова возможны, но и в них могут происходить усечения консонантов. Так, в разговорной речи в последнее время нередко наблюдается отпадение в сочетании *нг* второго согласного: *сунга* звучит как *сунга* и даже как *сумка́*; вместо *паренге* 'картофель' обычно говорят *парен* (изредка *паренг*); *онгыр* 'колокольчик' заменяется на *онгыр*, *водывычыранге* 'летучая мышь' — на *водывычыран*, *пушенге вуй* 'верхушка дерева' — на *пушенгывуй* с заменой гласного и т.п. Неожиданным и любопытным является факт аналогического выравнивания по приведенным выше словам литературной формы *меранг* 'заяц', в результате чего даже в говоре используют форму *меранге* или *меранг*. Отпадение конечных согласных в группах консонантов часто наблюдается в падежных окончаниях, традиционно называемых Направительным, Местным и Обстоятельственным падежами, о чем см. дальше.

Исчезать могут не только согласные в консонантных пучках, но и отдельные согласные в интервокальном положении, напр., *ј*, в приветствии *Салам лиже!* вместо *лийже*; точно так же происходит усечение *ј* в формах императива: *ли* < *лий* 'будь!', *ки* < *кий* 'лежи!', *ми* < *мий* 'приди!', *чи* < *чий* 'оденься!' и др. (но не **ка*, а *кай* 'иди!').

Наконец, необходимо указать на замены согласных во многих словах литературного языка, встречающихся и в староторъяльском говоре, на другие согласные. Исторически подобные замены объяснимы (см., напр.: Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). — Йошкар-Ола, 1985), но синхронно непонятны, хотя и предсказуемы. К заменам такого рода относятся *л* на месте *н* в словах *вильык/выньык* 'веник (для бани, чтобы париться)', *м* вместо *в* (*мынем/вынем* 'яма', *мынер/вынер* 'холст') и др.; *ј* на месте *н*: *шайык* < *шаньык* 'вилы'. Встречается замена *л* на *д*: *нылде* (и *нолде*) < *нылле* '40' (местные жители добавляют, сопоставляя свой говор с другими, что в Советском районе говорят *нылне*). Слово *пӱрӱенг* обычно произносится как *пӱрлянг/н'* 'мужчина, мужской' (в слове *енг* 'человек' конечный согласный часто звучит как [л]). Помимо замен одних звуков на другие, есть слова с выпавшими согласными (*моча* < *монча*).

Интерференция в русской речи марийцев

Естественно, что при такой ситуации в родном языке, наблюдается интерференция в русской речи марийцев-билингвов и прежде всего – в области смешения шипящих и свистящих. Та же вариативность, что отмечалась для родного языка марийцев, в произнесении названных звуков проявляется и в словах русского языка: *ш"и"аш"и"е* 'чаще', *ш"еш"не* (Чечне), *[т"']астенько*, *до[т"']ка*, *дев[т"']онка*, *[т"']исло*, *при[ш"']ол*, но вместе с тем *человек*, *школ*.

Устранение начальных консонантных кластеров происходит разными путями: представители старшей когорты носителей староторьяльского говора чаще используют эпентетический гласный (*галаза*, *тыкачиха*, *поч"ела* 'пчела'), который может появляться также перед стечением согласных (именно так появилось слово *ўстел* 'стол'); иногда возможна утрата не только первого, но и второго согласного (*торой* 'второй', *сера* 'вчера', *сакан* 'стакан', *чела* 'пчела' и т.п.). Пришедшая в марийский язык вместе с заимствованиями из русского фонема /ц/ произносится по-разному (даже в речи одного и того же человека): в одних словах (*циркуль*, *цех*, *цемент*) она звучит так же, как в русском языке, в других – распадается на два звука, воспринимаясь как группа согласных. При этом либо оба компонента произносятся (*[тс]ех*, *[тс]ентр*, *[тс]арь*, *[тс]истерна*), либо первый из них утрачивается, теряя затвор (смычку), напр., *систерна*, *лексий*.

2. Некоторые грамматические особенности говора

Употребление форм местоимений

Для говора Старого Торьяла характерно удлинение относительных местоимений: *тыгайе* < *тыгай* 'такой', *могайе* < *могай* 'какой', *могайе-тугайе* 'какой-такой?'. При склонении личных местоимений в нескольких формах происходит усечение слогов, причем, некоторые носители языка считают, что их диалектная форма (*мылам* 'мне') – форма литературного языка (!), а *мыланем* – диалектная (хотя в действительности все наоборот). Формы личных местоимений расходятся с формами в литературном языке в Nom. Pl, Dat.1–2 Pl, Dat 1–2 Sg: *мемна*, *тенда*, *нуньт* вместо *ме*, *те*, *нуно*; *мемналан*, *тендалан* вместо *мыланна*, *тыланда*; *мелан*, *тылат* вместо литературных *мыланем*, *тыланет*.

Особенности употребления глаголов в значении 'желательности'

Все носители говора дружно указывают на особенность выражения желания с использованием глагола *шуаш*, который в этом случае употребляется в литературном языке только в 3Sg: *мурымo (кошмо) шуэи* 'петь (гулять) хочется, охота'. В говоре используется конструкция, отсутствующая в литературном языке, с формой *шукта*: *кочмем (мал(а)мем, кошмем) шукта* 'есть (спать, гулять) хочу'. При отрицании также употребляется специфичная форма *ок шу /ок шукта*: *Школьыш каймем ок шу /шукто* 'В школу не хочется идти' (букв. "В школу иду не хоти / не хочется"). Ср.: *Школьыш ынем кай* (литературная конструкция). Хотя в школьные годы ученикам внушается, что так говорить неправильно, все признают, что, приходя домой, продолжают говорить именно так. Не исключено даже, что данная форма восторжествует, поскольку ее употребление выходит за рамки одного говора. Недавно певица Татьяна Денисова, живущая в Йошкар-Оле (родом из Волжского района), выступая перед зрителями, сказала, что она хочет их поздравить, и использовала форму *шукта*: *Саламлымем шукта!*

Гибридное образование слов (адаптация русских заимствований)

Активное наступление русского языка на марийский, в том числе, и на диалектную лексику (часто через посредство литературного марийского языка) сказывается на обилии случаев гибридного образования слов, в котором преобладает модель 'русский корень (или целая основа) + марийский аффикс' при наличии и модели 'русский корень/основа + марийский корень/основа'. Как правило, подобное гибридное словообразование охватывает лексику, иногда вытесняя исконное слово, иногда пополняя заново словарный фонд языка. В обоих случаях происходит их заимствование с последующей адаптацией в языке, которой подвергается морфологическая и синтаксическая (в меньшей мере фонетическая) система русского языка: *экономика факультетыште тиде профессорын лексийже моткоч йокрок* 'лекции этого профессора факультета экономики очень скучные'. Случаев гибридного словообразования больше всего встречается в специальной лексике, но немало их и в обычной разговорной речи, когда носители языка предпочитают вместо слова родного языка

использовать русскую основу, прибавляя к ней марийский глагольный показатель, как, напр.: *обижательяш* или *обижатляляташ окыл* (вместо *ок кўл*) 'обижаться не надо' и *обижаться лийяш*" (башкирские мари, живущие в Старом Торъяле, говорят *Тый обижательялтынйт мо?* 'Ты обиделась, что ли?'); *занимаяш* и *занимательем* (последнее в значении 'заниматься учебой' встречается в говоре чаще, чем *тунемаш*, но *пашам ышташ* 'заниматься работой' возможно наряду с *работаяш*) и др.; встречаются и гибридные словосочетания: типа *республиканский погын* 'республиканское собрание'. В Старом Торъяле вместо словосочетания *вуйлатышын алмаштышыже* 'председателя заместитель' родилась аббревиатура *предынзамже*, в которой аббревиатуру составили префикс первого слова (*пред-*) + префикс и начальный согласный второго слова (*зам*), оформленные по правилам марийского языка показателями *Gen -ын* и суффикса посессивности 3 Sg *-же*.

Грамматические особенности в русской речи жителей Старого Торъяла

Характерная черта уральских языков – отсутствие грамматической категории рода – в русской речи носителей марийского языка в с. Старый Торъял проявляется особенно ярко. Рассогласование по роду существительного (или местоимения) и прилагательного (*третий дочка была; дочкина сын купил машину; я (женщина о себе) старый, а какой пенсия у тебя?*); существительного (или личного местоимения) и глагола (*брат была, иза мой брат; торой сын без отца училась; дочь умел потатарски; он рекомендовала*); употребление неправильного рода (*не мух, не жук – пияпка; организовал комун*) – типичные ошибки носителей говора, особенно – старшего поколения (когорты 60–90-летних), представители которого хуже владеют русским языком, чем молодые. Столь же характерно опускание предлогов, которым в марийском языке соответствуют послелогии: *Оте[т]"ественной войне погибли мои ученики; ходила сюда школу; устроили Йошкар-Олу; родилась Токтарсоле; туалет ходить не умеют* и т.д. Ошибки в управлении не столь регулярны и причины их часто бывают необъяснимы, как в сочетании *ездили на лошадей* (должно быть 'на лошадях'), *дев[т]"онку-то свои* (то есть свою) *в рот забрала и понесла* (о кошке, перетаскивающей своего котенка), *женился здесь на девушку*.

В речи староторъяльцев часто наблюдается смешение кодов – попеременное употребление то марийских, то русских слов и фраз, что

подробно освещено в статье [Кузнецова А. И. & Судобина А. Н. "Языковая ситуация в с. Старый Торъял: типичные и особые черты". – Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Москва 2001. С. 114–117]. Типичны фразы вроде *Муки в пчельниках живут омарташте* 'Пчелы в пчельниках (должно быть *отар*) живут в ульях'; *Ава толын, я-то была там, мочаш* (вместо *монча*) *топила* 'Мать пришла, я-то была там, баню топила'; *Кузу эргем 67 лет ему* 'Старший сын, 67 лет ему'; *Виктор ок возо что-то* 'Виктор не пишет что-то'; *Моло новость уке* 'Другой новости нет' и множество других.

За рамками данного доклада остались интересные случаи расхождения в значениях одних тех же слов в говоре села и в других говорах, различия в лексике и синтаксисе. На всех языковых уровнях (на одних больше, на других меньше) наблюдаются результаты языкового контактирования, происходящие как в пределах разных языков, так и в границах разных диалектов. Диалект испытывает сильное воздействие со стороны сразу двух литературных языков – марийского и русского, под давлением которых вряд ли ему удастся сохраниться. В свою очередь, под натиском русского языка неминуемо должно усиливаться смешение кодов и будет возрастать интерференция на всех языковых уровнях.

Йорма Луутонен и Нобуфуми Инаба
Турку

Новая коллекция компьютерных корпусов поволжских языков

Функционирование всемирной компьютерной сети Интернет основывается на существовании так называемых "серверов" (англ. server). Термин "сервер" обозначает компьютерную программу, которая владеет определенной массой информации и может предоставить эту информацию для пользователей Интернета. Весной 2001 в центральном компьютере Туркуского университета был создан новый сервер под названием "Волга-сервер" (Volga Server), поддерживаемый Сектором исследования поволжских языков Туркуского университета. Интернет-адрес сервера – <http://volga.utu.fi>.

В сервере коллекционируются материалы по языкам Поволжья, а именно по мордовским (эрзя и мокша), марийскому (луговой и горный мари), удмуртскому, чувашскому, татарскому и башкирскому языкам. Ареальный принцип состава можно найти и в некоторых других корпусах, например в корпусе языков Средней Азии CALC (The Central Asian Languages Corpus) и в финском корпусе SCLOMB (Studia Comparativa Linguarum Orbis Maris Baltici), охватывающий языки, распространенные в странах вокруг Балтийского моря (см. Vandamme & Braam 1997, Yli-Vakkuri & Palomäki 1996).

Материалы сервера можно разделить на три группы: 1) некодированные тексты, 2) параллельные тексты и 3) кодированные тексты. Некодированные тексты разделяются на секции разных языков. В настоящее время содержание имеют только секции для марийского, удмуртского и эрзянского языков. В подразделениях секций языков размещены тексты из разных газет, журналов, а также старые корпусы, такие как MORMULA и MARKO.

Наибольшей частью текстов сервера являются некодированные тексты, т.е. тексты, к которым не добавлены никакие коды, описывающие морфологические или другие черты слов или предложений. Большинство текстов получены в электронной форме от авторов, редакторов и издательств. Количественной целью является один миллион слов из каждого языка, что соответствует 3000–4000 страниц напечатанных текстов. Такое количество достаточно для фундаментального грамматического анализа языков Поволжья. В настоящее